

Матьяна
Люшина

Беглая невеста

Татьяна Алюшина
Беглая невеста

«ЭКСМО»

2012

Алюшина Т. А.

Беглая невеста / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-53905-5

Аглая стала невестой вопреки собственному желанию. Кавалер просто-напросто не удосужился спросить ее, согласна ли она стать его женой. Поэтому девушка сбежала в ночь перед самой свадьбой. Но самозванный жених – крайне самолюбивый человек, к тому же наделенный властью, а значит, ни за что не смирится с нанесенным оскорблением. Глаша понимает, что главное – затаиться и надеяться на лучшее. Однако судьба распорядилась по-своему, и вместо тихой гавани беглую невесту ждут новые испытания.

ISBN 978-5-699-53905-5

© Алюшина Т. А., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Алюшина

Беглая невеста

Ситуация развивалась в устойчивой динамике – от плохого к худшему, в данный момент находясь в переходной стадии от «очень плохо» к уверенному «полный трюндец».

Дождь заявил о себе мелкими навязчивыми брызгами, как только Аглая спустилась по крутой лесенке, ведущей из вагона на платформу, с натугой вытащив следом за собой чемодан. Поезд дернулся всем своим длинным железным телом и тронулся довольно бодро, проводница, убрав подножку, сноровисто захлопнула дверь вагона, словно произвела серию выстрелов на тишайшем пустынном перроне.

«М-м-да! Приехали! – тоскливо подумала Глаша, оглядываясь. – Пространственно-временная дыра периода устойчивого социализма, годов семидесятых!»

Дождь набирал поливную интенсивность, и, вздохнув обреченно, она поспешила убраться с неудобного, продуваемого ветром перрона. Прогрохотав колесиками чемодана по деревянному настилу перехода через пути, заспешила к тускло светящемуся зданию вокзала.

Ну, хотя бы он был открыт и, когда Аглая зашла в него с промозглой улицы, показался ей даже теплым. Только вот людей не наблюдалось. То есть вообще.

В надежде заприметить хоть какого аборигена и задать ему тактико-стратегические вопросы по поводу дальнейшего продвижения к нужной цели, Глаша осмотрелась и, убедившись в полном отсутствии человеческих особей, направилась к окошку с обнадеживающей надписью «Касса».

– Эй! Живые есть? – постучала она в стекло окошка, прикрытого с внутренней стороны ситцевой шторкой веселенькой расцветочки: что-то про мишек и мед.

Ее бодрый голос потревожил первозданную тишину в здании дремлющего вокзала, не вызвав ровно никаких ответных звуковых сигналов за задернутой шторкой кассы.

– Люди! – позвала Аглая и постучала более настойчиво и продолжительно.

Серия шуршаний донеслась-таки из кассовой каморки, после чего шторка уползла в сторону, оконце отворилось, и в нем появилось помятое от сна женское лицо.

– Чё орете? – недовольно поинтересовалась заспанная дама и зевнула, предупредив автоматически выверенной фразой: – Билетов нет!

– Простите, гражданочка, – подпустив покаянности в тоне, приступила к расспросам Глаша. – Подскажите, как мне добраться до поселка Метель?

Тетка моргнула по-совиному и уставилась на нее с большим познавательным интересом. С точно с таким же выражением неподдельного удивления тогда еще десятилетняя Глашка на экскурсии в Музее естествознания рассматривала скелет динозавра. В данный момент она своим вопросом, видимо, произвела тот же впечатляющий эффект.

Неопределенного возраста кассирша, с признаками косметического и парикмахерского приукрашивания внешности – добро и щедро положенными на веки темно-синими тенями, черным контуром вокруг глаз, с излишком туши на ресницах, кудрями бигудевого производства на давно не крашенных, с темными корнями волосах, – смотрела на Глашку как на того усопшего миллион лет назад динозавра. С познавательным интересом сильно сомневающегося человека.

– Поселок Метель? – напомнила Глаша предмет вопроса. – Как до него добраться?

– С московского чё ли? – догадалась тетка.

– Да, – на всякий случай согласилась Глаша, смутно подозревая, что разговор идет о поезде, на котором она приехала.

– А-а, – кивнула кассирша понимающе.

Видимо, в данном населенном пункте приезжие с московского поезда ассоциировались с чем-то выпадающим из нормальной жизни, ближе к юродивым, с которых и спрос-то какой.

– Утром автобус будет, – пояснила женщина с некой долей снисходительности в голосе. – Вон на креслах поспите, – она мотнула головой в сторону зала, где стояли три ряда раздолбанных деревянных кресел, и предупредила более строгим тоном: – Только туалет закрыт до первой электрички. Чтоб не шастали всякие.

– А до утра как-то можно добраться? Есть такси или маршрутка? – спросила Глаша, упрочив местную диву в уверенности, что «с московского» приезжают только больные тяжелой стадией дебилизма.

– А никак, – сочувственно посмотрела на нее тетка.

Сочувственно на предмет ее, Аглаиной то бишь, разумности.

– Можно, конечно, такси поискать, – неуверенно предположила кассирша, заметив явные признаки глубокого разочарования, отразившиеся на лице у Глаши. – Но это в центре, у «Кристалла» надо спрашивать. Может, и найдете кого. У нас тут, на вокзале, ночью такси не ездят.

Вообще-то было чуть больше одиннадцати вечера. Но спорить Глаша не стала – ночь так ночь, а кто говорит, что день?

– А как до этого «Кристалла» добраться? – взбодрилась слабой надеждой Аглая.

– Утром маршрутка будет, – «порадовала» кассирша.

Утром, значит? Маршрутка? Мама дорогая, куда она попала?! Параллельный мир? Прошлое страны? Зазеркалье? Временной провал?!

– А иные способы попасть в город есть? – призвав на помощь все возможное терпение, поинтересовалась Глаша.

– Есть, – жизнеутверждающе кивнула тетка. – Пешком здесь недалеко, вдоль трамвайных путей за полчаса дойдете напрямиком к «Кристаллу».

Терпением Глашу бог не обидел, а вот в разумности своей после столь «продуктивного» разговора она начинала сомневаться всерьез, разделяя мнение тетки-кассирши.

– Что, больше никак? Ничего от вокзала не ездит?

– Дак ночь же! – прояснила действительность дама, удивляясь бестолковости девицы. Но тут о чем-то вспомнила и неуверенно предположила: – Вы, девушка, Степаныча спросите, он вроде ехать собирался за Тарасычем, глядишь, вас подвезет.

– А кто у нас Степаныч? – осторожно поинтересовалась Глаша.

– Дак милиционер нашенский. Дежурный, – почти радостно объяснила сердобольная женщина. – Одному пи... дежурить в смысле, скучновато, вот он и собирался напарника привезти, тому с утречка заступать. Постучите в дежурку, он, кажись, еще не уехал.

И, потеряв всякий интерес к девушке, шастающей среди ночи, и к разговору, явно налаживаясь снова спать, неопределенно махнула рукой куда-то в глубь зала и мгновенно захлопнула перед Аглаей окошко кассы, не забыв задернуть занавесочку в мишках.

Искать дежурку, следуя указующему персту дамы, не пришлось – в противоположной кассе стороне зала красовалась темно-зеленая обшарпанная дверь с разъясняющей принадлежность помещения надписью «Милиция».

Потревожив очередной раз тишину помещения скрипом чемоданных колесиков, Аглая прошествовала через зал и старательно постучала в дверь органов правопорядка.

На второй порции настойчивых стуков дверь открылась, явив миру в лице Глаши потертого мужика с красной расплывшейся щекастой рожей и слегка мутными глазками, выдвинувшегося решительно вперед объемным животом, посреди которого болтался на зажиме форменный галстук, чудом державшийся на форменной же расстегнутой до пуза рубашке.

– Чё случилось, гражданочка? – обдав Глашу водочным амбре, приправленным чесночными соленьями и смесью иных гастрономических неизысков, недовольно рявкнул он.

– Господин капитан! – изобразив добропорядочную нежную розу, нуждающуюся в опоре и защите такого сильного и серьезного мужчины, обратилась к стражу Глаша. – Мне нужна ваша помощь!

Мужик в возрасте явно около полтинника, с «приросшими» навсегда к плечам погонами старшего лейтенанта, довольно крякнул от такого повышения в звании, пусть и вербального, и ошибочного, но все же! И куда как более доброжелательно поинтересовался:

– И чё у вас, это, случилось?

Премиленький вопросец для стража правопорядка, не правда ли? Такой легонький.

– Видите ли, господин капитан, – не выпадая из роли беспомощной нежности, пожаловалась Глаша, – мне необходимо срочно добраться до поселка Метель...

– Ну, дак утром автобус будет, – перебил ее мужик, заранее порадовавшись легкости решения проблемы потревожившей его в неурочное время дамочки.

Если Аглая еще раз услышит про жизнь, начинающуюся в этом городе с утра, то кого-нибудь точно пристукнет уже начавшейся у них ночью!

Однако к роли, к роли!

– Но, господин капитан, мне необходимо добраться туда сейчас! – хлопнув ресничками, преданно уставилась на него Глаша.

– Эт, как сейчас? – подивился «господин капитан».

– Мне сказали, что, возможно, я смогу договориться с каким-нибудь таксистом в центре города. Я вас очень прошу посодействовать мне в этом! – и подлила елейчику в милицейское самосознание: – С вами мне совсем нестрашно, и вы можете посоветовать, какой водитель надежней!

– Да, если и отвезет кто, – проникнувшись в полной мере завышенной оценкой своих способностей заезжей барышней, вступил в обсуждение, как его там... Степаныч, – то только ж до остановки на трассе, а там пешком километров десять.

– Сколько? – выпадая из образа, резко спросила Глаша.

– Де-есять, – протянул, несколько опешив от такой перемены, мент.

– А до самого поселка почему нельзя доехать? – поспешила вернуться в роль Аглая.

– Можно, конечно, только эт дорогонько будет: туда опять-таки же, назад. И только до шлагбаума, – непонятно пояснил он.

– Вы мне поможете? – хлопнув ресничками повторно, спросила нежная роза.

– Чё, доехать? – заклинилса мыслью Степаныч.

– Нет. Пожалуйста, довезите меня до центра и посоветуйте, с кем из таксистов безопасно ехать. Вы же их наверняка всех знаете, господин капитан.

– Ну-у-у... – вспомнив о своих прямых обязанностях и навыках, протянул с намеком Степаныч. – Я, ващет, на дежурстве. Здесь пост у меня.

– Ну, а если вам надо отлучиться, скажем, купить себе ужин... – поддержала Аглая направленность намека, переводя в стадию получения взятки натурпродуктом. – Я же могу, например, угостить вас ужином за неоценимую помощь?

Оказалось, может. И уже через пять минут Аглая сидела на заднем сиденье машины типа «Москвич», придерживая чемодан, не поместившийся в заваленный не пойми чем багажник, и тщетно пыталась рассмотреть что-то за окнами автомобиля, героически преодолевавшего полосу препятствий под названием «дорога в город».

«Кристалл» находился в доме, построенном в семидесятых годах прошлого века, и располагался аккурат напротив здания городской администрации через центральную городскую площадь, носящую гордое название «площадь Советская».

Нынче бывшее торговое предприятие выполняло функции народно-развлекательного, а именно: центральной ресторации, парочки кафе быстрого питания и ночного клуба с дискотеккой. Сегодня пятница, а посему горожане развлекались как могли: кто в ресторане, кто в ноч-

ном клубе, а кто со стаканом по домам, но такси в связи со священным днем недели у ночного заведения дежурили в ожидании нагулявшихся граждан.

– Повезло вам, барышня! – порадовался чему-то Степаныч, подруливая к стоянке. – Вон Библиотека, он мужик хороший, довезет вас, ежели сговоритесь в цене, и не обидит.

Таксист по имени Библиотека оказался мужиком лет шестидесяти, вполне интеллигентного вида. Он поздоровался со Степанычем за руку, выслушал предмет надобности девушки, удивился, упомянул про ненавистный уже Аглае автобусный утренний «голландец», но выказал спокойную уверенность, что раз так уж сильно припекло, то довезет.

– Только до шлагбаума, дальше не проехать, – предупредил он пассажирку.

– Да до какого шлагбаума?! – уже сатанея от тупости происходящего, чуть не проорала Глаша.

– Перед поселком дорога перекрыта, охраняемая территория, – пояснил таксист. – Оттуда пешком с километр до самого поселка, ну и там дом поискать придется.

Мамашу вашу!! Интересно, а насколько проще и осуществимее вариант развернуться и уехать? Вот сейчас со Степанычем вернуться на вокзал на его драндулете, взять билет, которого нет, сесть в поезд и назад, назад, в цивилизацию!

Ага! Сейчас! На этой богом забытой станции посередь расейской глуши останавливаются всего три поезда, и время их стоянки одна минута! А остальные поезда мимо, мимо – светя окнами купе, уносят счастливых людей в другую счастливую, неизвестную жизнь больших городов, прекрасных женщин, красивых мужчин, театров, кино, артистов, а также к морям, курортам, к зефирно-шоколадно-загадочной, мистически-прекрасной жизни – в недоступное туда! Ми-мо!

– Поехали! – насупившись, распорядилась решительно Аглая, услышав цену и понимая, что в Москве запросили бы раз в пять больше, и то в самом лучшем случае.

Степанычу она сунула сто пятьдесят рублей, посчитав, что для «продолжения банкета» на бутылку водки и нехитрую закуску ему вполне хватит. Судя по выхлопу и амбре, пристрастием к особым изыскам вокзальный милиционер не страдал, омары с ананасами и козий сыр с трюфелями не любил, предпочтя им докторскую колбасу с черным хлебом, соленым огурцом и чесночком.

Да и лицом страж порядка выразил одобрение так неожиданно удавшемуся дежурству, сулящему реальное продолжение банкета, может, и на пару с Тарасычем.

Минут через десять такси выехало из городка на прямую, как стрелка вектора, и совершенно темную трассу. Дождь поливал монотонно, однообразно и, судя по всему, заканчиваться не собирался.

Глаша смотрела в окно в абсолютно непроглядную темень и только сейчас осознала, что натворила.

«Господи, куда меня несет?! Я совсем умом двинулась?! Ночь страшная, дождина, а я посреди темноты, хрен знает где! И еще неизвестно, доберусь ли до места! И что делать, если на дороге застряну?! Как тот новый русский из анекдота кричать: «Ну, что, типа: ау!»»

Она посмотрела искоса, как бы незаметно на мужика за рулем и, чтоб совсем уж не впадать в панику, сдобренную непродуктивной самокритикой, спросила, разбивая тишину разговором:

– А почему вас зовут Библиотека?

Мужчина повернул к ней голову, посмотрел доброжелательно, хмыкнул и с явным удовольствием вступил в разговор:

– Я по образованию краевед. После института распределили меня сюда, в районный центр. И там познакомился со своей будущей женой, она из этого городка. Ну, поженились мы, и перебрался я сюда к жене. Назначили меня директором местного музея и по совместительству директором городского архива, а в одном здании с музеем находится центральная город-

ская библиотека. Когда в девяностых весь персонал поувольнялся от безденежья и разрухи, я стал еще и директором библиотеки. Так повелось, что за любой информацией идут ко мне. Вот и прозвали местные Библиотекой.

– То есть вы про эти места все знаете? – загорелась интересом Глаша.

– Ну, не все, но многое, – поскромничал Библиотека.

– А как вас зовут на самом деле?

– Дмитрием Васильевичем, – представился мужик и спросил в свою очередь: – А как ваше имя, прекрасная незнакомка?

– Аглая, – вздохнув над судьбинушкой, пославшей имечко, призналась Глаша.

– Прекрасное имя! – обрадовался местный краевед. – Вы знаете, что Аглая – древнерусское имя, еще из язычества?

– Знаю, – повторно вздохнула Глашка и быстренько улепетнула от темы. – Дмитрий Васильевич, а вы не в курсе, почему поселок, куда мы едем, называется «Метель»?

– О, это целая история, больше похожая на легенду, – порадовался направленности беседы водитель. – Но, как архивист, могу вас уверить, что главный персонаж этой легенды – вполне реальная историческая личность, некий Кондратий Береза. И был он лихим человеком, главарем банды, грабившей на тракте путников. Однажды зимой он со своей ватагой устроил засаду, поджидая купца богатого, про которого все прознали в трактире, где тот обедал: когда и с каким капиталом будет ехать, какая охрана. День стоял прекрасный, солнышко, легкий морозец, как вдруг совершенно неожиданно налетел ветер, небо потемнело, и началась страшная метель. Решил Кондратий братву свою назад в лагерь уводить, да только сбились они с тракта и в поле потерялись, в какую сторону двигаться, неведомо – вокруг один снег да пелена непроглядная. Уж и замерзать начали, и тогда Кондратий попросил у бога спасения, пообещав взамен, что он и его люди бросят разбой и станут благочинными. И как только помолился, кони вдруг понесли куда-то через пелену снежную и остановились меж двух холмов. И так эти холмы располагались, что там и ветерка не было. Спешились лиходеи, костерок развели, согрелись, так и спаслись. А утром за холмы выехали – мать честная! – все поля вокруг снегом занесло аж по лошадиный круп. Кондратий слово свое сдержал, стал праведником, церковь на одном из спасших его холмов поставил и там же поселок и назвал его «Метель» в честь знака божественного, которым господь его от лихого дела отвадил.

– Красиво! – прониклась Аглая.

– Да, – согласился Дмитрий Васильевич. – В этих краях много таких легенд да баек и тайн исторических, у нас тут вообще места уникальные. Вот, например, та же Метель. Ведь ее основание не самое загадочное и мистическое в истории этого поселка. Располагается он на двух холмах, между ними тянется дорога, которая упирается в петлю реки, через полкилометра река делает еще одну петлю и впадает в озеро. Что-то вроде английской буквы «S», вытянутой в середине. Места совершенно потрясающей красоты! Вокруг лес – по одной стороне реки дубрава, а по другой сосняк. Так в природе вроде бы не бывает, а вот поди ж ты, здесь есть! И леса-то сказочные, вековые, со своим секретом. Дорога прямо за поселком у завитка реки и обрывается, потому как, чтобы ее проложить, надо аж четыре моста строить, лес валить, а лес на горной породе, поднявшейся на поверхность, стоит, так просто ее не возьмешь. И получается, что два этих холма словно стражи стоят перед вековым лесом, речкой да озером. И расположены так интересно, – ровнехонько по сторонам света – один холм на юге, другой на севере, дорога меж ними с востока идет, а река с запада подпирает, там и лес, тянувшийся до самого озера. Места эти еще с царских времен природным охраняемым заповедником объявлены, вот Метель их вроде как и сторожит. Есть еще загадочная уникальность – ключи! Бьют из самих холмов, да к тому же целебные, особенно помогают исцелять костные болезни.

– Что, действительно исцеляют? – поразилась Глаша.

– Да, – со всей серьезностью уверил Дмитрий Васильевич. – Но нужно терпение, а значит, какое-то время пожить в поселке.

– Да, если это действительно так, то там давно бы уже здравницы крутые понастроили! – засомневалась Аглая.

– А это еще одна мистическая история! – хитро хохотнул Дмитрий Васильевич. – Вы думаете, не пробовали поселок оттяпать и пансионатов настроить? Еще как, и с большим энтузиазмом и рвением! Еще до революции царская семья чудодейственными ключами заинтересовалась. Прислали в поселок ученых, они геологию места разведали досконально, и анализ вод делали, и топографию тщательную провели. Составили подробный отчет, сводившийся к основному – а невозможно в данной местности проводить строительные работы. Подземные пласты почв расположены столь причудливым образом, что перед холмами в полях под небольшим плодородным слоем залегают песчаные плавуны, а за холмами обнаружен выход базальтовых горных пород. В нашем музее копии этих отчетов хранятся. Но пламенным большевикам царские изыскания не указ. Решила новая власть построить здравницу для высшего большевистского руководства, а не получилось. Тяжелая строительная техника вязла в полях, стоило перекрыть самый малюсенький ключ, как всего за пару месяцев почва заболачивалась и тракторы проваливались по кабины. Потыркались, попробовали и так и сяк да и плюнули – подумаешь, медвежий угол, Предуралье, страна большая, другие целебные места найдем. Но местные управленцы высшего звена потихоньку в поселке дома скупали, перестраивали и в частную собственность оформляли.

– То есть поселочек таки элитный? – уточнила Глаша.

– Элитный-то он элитный, да не совсем. Дело в том, Аглая, что все дома стоят на двух холмах, все нынешние коттеджи построены на месте старых изб, на старых фундаментах. И оказалось, что строить дома выше двух этажей нельзя, они сразу просаживаются по непонятным пока причинам, то есть для богачей новой формации непрестижно, да и действительно медвежий угол – единственный въезд со стороны нашего городочка, от районного центра напрямую не проедешь, приходится крюк давать километров пятьдесят. Места, конечно, сказочной красоты, и ключи целебные, но поселок маленький, в глухомани, да и не повыпендриваешься друг перед другом, домины выстраивая. Повезло, прямо скажем, Метели, а может, кто и вправду охраняет места эти.

– И что, вот так и оставили в покое крестьянам да колхозничкам? – не очень-то поверила Аглая.

– Да господь с вами, какие колхозники! – усмехнулся Дмитрий Васильевич. – Еще с дореволюционных времен поселок считался чем-то вроде природной здравницы дачного типа.

– Вы меня совсем запутали, уважаемый краевед! – возропала Аглая. – Если я вас правильно поняла, то богатые новой формации там не селятся и крестьяне там не проживают, тогда кто? Дачники?

– Нет, – уже привычно усмехнулся Дмитрий Васильевич. – Практически все жители поселка живут в нем постоянно. В большинстве своем это потомки или родственники некогда бывшей управленческой элиты советских времен, местной и даже столичной интеллигенции, осевшей после выхода на пенсии еще в восьмидесятых годах, есть и крестьянские семьи, разные люди. За последние пятнадцать лет несколько участков продавались-покупались, хотя в Метели очень редко продают дома.

– Пряма какая-то загадочная эта ваша Метель, – проворчала Глаша почему-то недовольно. – Идиллия просто: интеллигенция в третьем поколении с огородов кормится и счастлива!

– Не совсем так, – хмыкнул краевед. – Вот вы, Аглая, в гости к друзьям едете?

– Да, к другу, – кивнула, вспомнив о цели своего приезда, Глаша.

– Из Москвы, если не ошибаюсь? – уточнил Библиотека.

Глашка опять кивнула, вернувшись после его вопроса к делам и проблемам своим насущным, которые как бы отодвинулись за интересным разговором, но никуда не делись, увы! И, между прочим, машина уже свернула с трассы на поселковую дорогу, с каждой минутой приближая Аглаю к следующему этапу путешествия, большой вопрос – простому ли!

Что-то она, наверное, неправильно придумала с этим приездом! Неправильно, скоропалительно, необдуманно, рскованно, с выходящими из всего перечисленного последствиями.

– Вот видите, – отвлек от мрачных предчувствий и сомнений голос краеведа-таксиста, – из Москвы в нашу глухомань непроходимую, при столичной оторванности от страны кажущуюся вам, наверное, другим измерением, задворками мира, но ведь приехали. А в Метель едут гости и из обеих столиц, и из других больших городов всей России, и из-за границ разных. Вот и делайте вывод, насколько непростые люди живут в поселке.

– Но если столько разных гостей приезжает, что ж в вашем городишке трансфер до поселка не налажен? – разозлилась почему-то Глашка, на себя скорее всего и на аферу, в которую сама себя втянула, можно сказать, бросила необдуманно.

– Так это же охраняемая заповедная зона, сюда без приглашения-разрешения не приедешь. Вот поэтому своих гостей метелевские сами встречают: кого в областном центре, в аэропорту, а кого и с поездов в городе. А вас почему не встретили? У вас ведь разрешение есть?

Глашка хмуро кивнула – есть, мол! Какое, на хрен, разрешение?! Она понятия не имела, что попасть в какой-то там поселок в центре России – целая история с элементами бюрократии и прохождением через местные дорожные мытарства! Села да поехала!

Но отвечать надо! А то местный энтузиаст-краевед заподозрит что противозаконное!

– Не знаю, почему не встретили, может, случилось чего, а дозвониться не могу! – ушла от ответа Аглая.

– Странно, что дозвониться не можете, – качнул головой Дмитрий Васильевич. – В поселке прекрасная связь: и сотовая, и стационарная, и Интернет работает.

– Вот я и думаю, случилось чего! – вздохнула Глаша. Обманывая такого милого человека, она чувствовала себя совсем неуютно.

– Ну, ничего! – подбодрил Дмитрий Васильевич. – Мы уже приехали, сейчас дойдете и все узнаете.

Приехали?! Это что, в местном фольклоре называется – приехали?! Альтернатива понятию – все, пипец, приплыли?! Типа – караул!!

На прямой и, кстати, на удивление хорошей дороге, разделяющей большущее поле надвое, подсвеченный фарами остановившейся машины, красовался солидный шлагбаум, запертый на здоровенный цифровой замок. Вот так простенько и незатейливо, как в сказочке, – поле, ночь, дорога, шлагбаум, и ничего больше – сюр в чистом виде! Вернее, в чистом поле!

– А почему он здесь стоит? – шепотом спросила Глаша, боясь не то что выходить из машины, а даже шевелиться.

– Это природоохранная зона, отсюда начинается заповедник, – удивился ее испугу и шепоту Дмитрий Васильевич. – Лет десять назад метелевцы объявили, что сами станут охранять поселок от браконьеров. Дорога-то в леса и к озеру одна, эта, а за поселком начинается дорога пешеходная и для легкого транспорта, и четыре моста легких, река везде глубокая, и бродов нет. Вот и разъезжали браконьеры да туристы всякие через поселок, оставляли перед рекой машины и дальше пешком шли. Загадили окрестности речки и озера, да и по самому поселку гоняли в любое время дня и ночи. Вот поселковые и решили самостоятельно порядок навести и охранять территорию. Даже лицензию на это поселковый совет получил. Сами убрали весь мусор, речку почистили, с того берега озера на лесных дорогах тоже шлагбаумы поставили. А два года назад организовали дружину, которая каждый день за порядком следит. Теперь сюда только по разрешениям можно проехать. Ну, это вы уже знаете.

– То есть мне надо сейчас по этой дороге идти? – с большим сомнением и не меньшим испугом спросила Глаша.

– Да вы не бойтесь, Аглая, – подбодрил Библиотека. – Здесь всего километр по прямой, присмотритесь, – он показал через лобовое стекло вперед, – видите огни поселковые?

Глашка наклонилась к стеклу и присмотрелась – действительно, впереди светились тусклые огоньки, странные такие – в непроглядной темноте, как беспорядочно натыканные светлые вкрапления, расходились снизу вправо и влево вверх. Ей аж жутковато стало.

– Перед самим поселком еще один шлагбаум, но там уже домик охранника стоит. Постучитесь и у него спросите, как вам пройти к вашему другу. Вам на какую улицу надо? – вполне доброжелательно, без какого-либо подтекста спросил Дмитрий Васильевич.

– Улица Мира, дом семь, – автоматически ответила Аглая.

– К Коле Алтаю, что ли? – не то обрадовался, не то удивился Библиотека.

– Да-а... – растерялась Глаша. – А вы что, его знаете?

– Знаю. Я здесь многих знаю, а Николай личность известная, уважаемая.

О как! Вот так посреди чиста поля у Аглаи и местного краеведа обнаружился общий знакомый. Уважаемый, как оказалось, знакомый, пользующийся в предуральских лесах прозвищем, которое Глаша дала ему в детстве, и, насколько ей известно, ранее никто, кроме нее, Колю так не называл.

Глаша все медлила выходить из машины, словно ей предстояло не по дороге идти, а как минимум от безнадёги с разбега сигануть в ледяную прорубь.

– Вам не так уж далеко. Колин дом стоит на правом холме, третья линия. Тут улицы прямые, их линиями называют, они идут снизу от дороги вверх, вы увидите. Правда, подняться прилично в гору придется, но не ошибетесь.

Тянуть дальше было совсем уж трусливо, и Глаша, выдохнув решительно, полезла в сумку за кошельком, отсчитала купюры и протянула Дмитрию Васильевичу.

– Спасибо вам, – поблагодарила искренне, от всей души.

– И вам спасибо, – приняв деньги, ответил шофер. – И за заработок, и за приятное общение. Я постою, посвечу вам фарами немного, – пообещал он и первым выбрался из машины достать из багажника Аглаин чемодан.

Глаша подняла ручку в чемодане, поблагодарила мужчину еще раз, простилась и, вздохнув от ощущения глубокой неизбежности, двинулась вперед, поднырнула под шлагбаум, таща за собой чемодан, махнула Библиотеке рукой и пошла по дороге.

Дождь лил с большим природным удовольствием и прекращаться в ближайшее время не собирался однозначно, а зонтика у Аглаи не было. Какой зонтик?! Она и не знала, что в чемодан покидала – совала не глядя, руководствуясь непродуктивным постулатом – пригодится! А что, какие вещи и для чего, собственно, они пригодятся, и не помнила даже, не до того было в тот момент.

В первозданной тишине ночи слышался только шум дождя, Аглаины шаги по мокрому асфальту и скрип чемоданных колесиков. Библиотека слово сдержал и долго стоял, подсвечивая фарами дорогу, потом развернулся и уехал. Глаша остановилась и смотрела на огни автомобиля. Это было так странно, так нереально! Осознание себя, одиноко стоящей на проселочной дороге в совершенно незнакомом месте – ночь, темнота, дождь и удаляющиеся огни уезжающей машины как последняя обрывающаяся нить, связывающая ее с остальным миром, прошлым, друзьями-знакомыми, родственниками, привычной жизнью – всем, что осталось там где-то, в другой реальности. Непередаваемое ощущение, словно она осталась одна во всем мире, – впереди ждет что-то, и сзади осталось что-то, но в данную минуту, мгновение – ты одна!

– А не страшно ни капельки! – заявила смелое противостояние темноте неуютной Глаша и двинулась вперед на огни поселка.

Домик охранника темнел окнами и признаков жизни не подавал. Вспомнив об упомянутом Дмитрием Васильевичем разрешении на посещение поселка, Глашка решила в диалог с охраной заповедной территории не вступать и, проделав вторично подныривание под шлагбаумом с чемоданом на прицепе, пошагала дальше, стараясь не пропустить нужную ей линию.

К моменту, когда Аглая нашла дом Коли, она совершенно промокла, измучилась переживаниями, сомнениями и поругиванием себя за глупость и недалководидность.

Ну, вот тогда и настал тот самый «полный трындец»! Ибо на ее колошматение кулаком в ворота отозвалась только собака за забором, истошным, надрывным лаем обозначившая себя как нечто огромное и злобное. Да потому что мелкое или средненькое существо так лаять не могло! Цербер, не иначе!

Аглая все колотила и колотила, ужас все лаял и лаял, попугивая не на шутку, угрожая сорваться с цепи и загрызть гостью незваную вместе с чемоданчиком.

Она совсем отчаялась, промокла до самых трусиков и лифчика, и если б умела плакать, то давно уже рыдала бы навзрыд от безнадёги, тупости ситуации и собственного идиотизма, приведшего ее к этим воротам. Глаша еще немного поколотила, скорее от безнадёги, и решила, что придется постучаться в те дома, где горит свет, и попроситься на ночлег.

Ну, есть же еще люди добрые? Пустят? А если нет? Под кустом до утра отсиживаться? Или к охраннику в домик проситься?

Хотелось завывать так по-настоящему, в голос и с чувством!

На крыльце дома, у двери, произошло какое-то неясное движение, и кто-то, не сдерживая голосовых связок и возмущения, проорал трехэтажным матом в вопросительной форме. По контексту высказывания можно было предположить вопрос из разряда: «Кого там принесло?»

– Алтай! – почти счастливо прокричала в ответ Глаша. – Что ты орешь матом, как грузчик перепивший! Открывай давай!

– Стрелка, ты что ль? – послышалось недоуменное с веранды.

– А ты кого-то еще приглашал? – развеселилась Аглая.

По ступенькам крыльца прогрохотала очередь быстрых шагов, сменившихся приглушенным звуком по гравию, залязгал тяжелый засов на калитке ворот, распахнулась дверца, и Аглая увидела хозяина дома в не застегнутых до конца джинсах, в кирзовых сапогах и наброшенной на голый торс телогрейке.

– Стрелка, ты откуда взялась? – тупил Коля в полной растерянности.

– С поезда. Знаешь, экспресс такой ходит Марс – Большие Васюки, – поворчала Глашка и затребовала приглашения: – В дом-топустишь?

– Да, да! – опомнился Коля, ухватил гостью за руку, втащил в калитку, захлопнул ее и закрыл на засов. – Давай в дом скорее!

И потащил Аглаю за собой по присыпанной гравием дорожке, на ходу перехватив у нее из руки чемодан. Оказавшись за большой, тяжелой двухстворчатой дверью в прихожей, Глаша наконец перевела дух и расслабилась.

– Стрелка! – возмутился Коля. – Ты совершенно промокла!

– Совершенно, – согласилась Глаша, – даже белье мокрое, такое ощущение, что по телу бегут ручейки!

– Чокнутая! – радостно улыбнулся Алтай, притянул Аглаю к себе и обнял. – Ну, привет, ненормальная!

– Ты промокнешь! – придушенно предупредила Глаша.

– Замерзла? – отстранившись, присмотрелся к ней хозяин дома.

– Ужасно, – призналась она, – и напугалась сильно, и вообще все плохо!

– Теперь все как раз хорошо, Стрелка! – обдал оптимизмом Коля. – Давай-ка в душ горячий, а потом мы профилактически тебя полечим. Есть во что теплое переодеться?

– А фиг его знает! – честно призналась Аглая. – Что-то в чемодан накидала.

– Так я и думал, – заявил Коля, сделав для себя какие-то недоступные Глаше выводы.

Через полчаса, распаренная после горячего душа, одетая в Колины спортивные штаны, подвернутые несколько раз в поясе, в его же футболку и спортивную куртку, в больших шерстяных носках ручной вязки, почти счастливая Глашка сидела за столом в уютной просторной кухне, держа в руках рюмку с жидкостью неизвестного крепко-алкогольного содержания.

– Это что? – спросила она, с недоверием поглядывая на содержимое рюмки.

– Пей, пей! – распорядился Николай, подталкивая ее руку к губам. – Целебный напиток, наливка моего собственного производства, от любых простуд помогает!

Аглая решила, демонстративно громко выдохнула и выпила залпом. А ничего оказалась наливочка – вкусенькая, сладко-горькая и... и крепенькая, даже в нос шибануло.

– Классно! – похвалила Глаша производителя и потребовала повтора, протягивая пустую посудину. – Давай еще!

– Давай-то оно давай, – согласился Коля, – я тебе и компанию составлю, только признавайся, Стрелка, каким чудом ты здесь образовалась?

Он налил ей еще порцайку и себе в рюмочку плеснул, но выпивать не спешил, вопрошающе уставившись на подругу.

– Сбежала я, Коля, – покаянно вздохнула Аглая, старательно рассматривая содержимое рюмочки. – Из-под венца. Как раз сегодня днем у меня должна была состояться свадьба.

– Фигасе! – восхитился друг детства. – Про свадьбу помню, что-то такое туманное ты мне писала, но чтоб так радикально – уже пора произойти событию, не сообщала! – Он протянул руку, чокнулся с ее рюмахой. – Ну что, поздравляю!

– С чем? – искренне подивилась Аглая.

– С побегом! – хохотнул Николай и, жестом призвав присоединиться, отпил наливочки.

Аглая присоединилась с энтузиазмом и тоже отпила напитка «лечебного». Согрелась окончательно, щеки покраснелись, в голову жаром ударило, пришлось даже куртку снимать.

– Что ж ты не предупредила, что приезжаешь, я бы встретил? – попенял Коля. – У нас тут так запросто в гости не завалишься.

– Ну, я же завалилась! – усмехнулась Аглая.

– Да потому, что это ты! – даже как-то возмутился Николай. – Я как представляю, что ты одна среди ночи, под дождем с вокзала, через город, потом пешком... Ненормальная! – отчитывая, он резюмировал воображаемые ужасы.

– А ты почту электронную проверяй хоть иногда! – возмутилась в ответ Глаша. – Я тебе там сообщеньице оставила: так, мол, и так, жди в гости, еду!

– Да тебе повезло неизвестно как! – повысил тон Алтай. – Я только три часа назад с охоты вернулся, и то по большой случайности! Мужиков сопровождал, у одного сердце прихватило, вот мы срочно и снялись, его в райцентр повезли, а я домой! А так бы еще три дня по лесам шастал! Пришел и спать завалился, какая там почта! Ладно, – резко остановил он поток своего возмущения и устало потер ладонью лицо. – Пошли спать, Стрелка, завтра поговорим. А то я что-то отрубаясь, даже поругать тебя с чувством и удовольствием не могу.

– А может, и ладно, и не надо ругать, считай, что я уже прониклась ужасом содеянного? – примирительно предложила она.

– Посмотрим, – проворчал Коля, вставая с места. – Идем, я на втором этаже в гостевой комнате постелил, тебе там понравится.

– Мне сейчас везде понравится, где есть кровать, – почувствовав навалившуюся мгновенно усталость, призналась Аглая.

Проводив Глашу до двери спальни, Коля поцеловал ее в щечку, развернулся уходить, но, отойдя к лестнице, обернулся, позвал негромко и признался:

– Глаш, я рад, что ты приехала. Очень рад, Стрелка!

– Я тоже, Коль, очень, – ответила она.

Аглая проспала двенадцать часов и проснулась, когда время подкатывало где-то к двум часам дня. Проснулась в один момент, без переходной стадии приятной ленивой полудремы, полусонной неги с постепенным открыванием глаз в несколько приемов. Она сразу подскочила живчиком с кровати, потянулась с удовольствием, прошлепала босиком к окну, раздвинула шторы, распахнула створки и замерла от открывшейся взгляду красоты, на миг забыв дышать!

Большущий, противоположный дому пологий холм венчала маленькая, явно старинная церквушка. Ухоженная, беленькая, со светло-зелеными куполами и золотыми маковками с крестами, невероятно симпатичная, утопающая в зелени деревьев и кустов. Вниз от церкви до дороги спускались участки с домами, вполне современными, разной архитектуры, но в чем-то неуловимо поддерживающими единый стиль. Все в обрамлении зелени деревьев, цветущих кустов, замысловатых, ярких цветников, там, где их можно было рассмотреть из окна, в котором замерла от потрясшей ее неожиданной красоты открывшейся панорамы Аглая.

Вот это да! Она и близко не ожидала такое увидеть, мысленно настроившись на нечто среднее между дачным поселком и новорусскими безвкусными нашлепками домов. А тут, только посмотри – прямо Европа, с поправкой на российский колорит. А воздух!!

После дождя, лившего всю ночь, воздух казался живым, плотным, напоенным запахом земли, травы и цветения. Глаше захотелось немедленно нарисовать эту красоту небывалую, немного величественную и загадочную, но неспешную, основательную.

Увы, понятное дело, она не взяла с собой ни мольберт, ни краски с кистями – побег, знаете ли, подразумевает необремененность багажом. Придется обойтись вербальным выражением переполненности души красотой!

И она заторопилась найти Колю и поделиться впечатлением, повывергивала из чемодана легкие бриджики, футболку, натянула чуть не на ходу, не переставая улыбаться, и заспешила на первый этаж.

– Алтай?! – проорала от всей души Глашка, выскочив из комнаты.

– На кухне! – отозвался весело на ее призыв Коля.

– Коля! – продолжала орать Глашка, добавив жестикуляцию руками, влетев в кухню. – Какая у вас тут красота!

– Ага! – согласился друг детства, заражаясь ее настроением. – Подожди, я тебе еще реку, лес, озеро покажу, ты совсем обалдеешь!

– Когда покажешь? – выказала готовность нетерпеливую прямо сейчас нестись на осмотр достопримечательностей Глашка.

– Э, нет, дорогая, – усмехнулся, остужая ее энтузиазм, Николай, – не так быстро! Спать ты, конечно, всегда была горазда, но скоро два часа дня, обедать пора.

– Как два?! – опешила Аглая. – Я что, столько спала?

– Столько, столько, – ворчливо подтвердил он. – Давай умывайся и помогай обед готовить да накрывать.

Они сидели на веранде, с которой открывался великолепный вид на противоположный холм, дома-участки, церковь, правда, с первого этажа ее видно было гораздо хуже, чем из окна, но панорама и так радовала взор; ели потрясающей вкусоности отбивные с салатом и наконец могли не спеша и обстоятельно беседовать.

– Ну, давай кайся. Рассказывай о несбывшемся замужестве! – потребовал Николай, после того как они принялись за еду.

– А может, мирно поедим, а потом я каяться начну? – предприняла попытку избежать неприятного разговора Глашка.

– Нет, дорогая, ешь и рассказывай, – не дал ей послабления Коля. – А то знаю я тебя: ты все решила, действия предприняла, и тема тебе уже неинтересна и неактуальна, так и зажмешь повествование. Давай рассказывай, в лицах и с подробностями!

– Охошеньки, – повздыхала Глаша о невозможности отвертеться.

Впрочем, когда было по-другому? На то Коля Алтай и друг ее беспокойного детства!

Лет пять назад Аглая бросила престижную и хорошо оплачиваемую должность ведущего художника креативной группы в крупном рекламном агентстве. И ушла работать в художественно-обучающий центр «Детское творчество и развитие» при полном глубоком непонимании бывших сослуживцев, недоуменном пожатии плечами, красноречивых кручениях пальцев у виска и попыток хозяина агентства удержать ее существенным повышением зарплаты.

Ушла с большим душевным удовольствием, занявшись тем, что ей необычайно нравилось и приносило ежедневную радость практически в чистом виде. Зарплата, разумеется, была далека от прежней, но и не такая уж маленькая. Им с дедом хватало ее заработков и его солидной пенсии на вполне безбедную и даже местами комфортную жизнь. Да и не имела для Аглаи материальная составляющая такого уж особого значения.

Ну вот какая-то такая она уродилась, без материальных пристрастий.

Глаша вела два класса – рисования и художественной поделки, была абсолютно уверена, что все ее ученики талантливы до необычайности и вообще необыкновенные, неординарные личности, просиживала на работе до ночи глубокой и с нетерпением спешила на нее по утрам.

Но, как водится по жанру жизни, на любое хорошее дело найдутся разрушители – глаза завидующие, руки загребушие. Ну а как вы хотели? В радости и благодати, да без проблем?

Ну шас! Это только на кладбище.

Их небольшой центрик числился полугосударственной-полукоммерческой организацией, по сути существовавшей на деньги частных благотворителей, ими по большей части были родители занимавшихся в студиях детей. Все в свете, как говорится, существующих реалий. Государство же отметилось своим участием тем, что отдало под школу небольшое старинное здание в центре Москвы, снабдив лицензиями и разрешениями всякого рода. Ну а дальше по географическому месту расположения их центра и общей логике событий в стране можно догадаться о начавшейся вокруг их школы интриге.

Ра-зу-ме-ет-ся! И всенепременно и без вариантов здание их школы приглянулось и «жизненно» понадобилось кому-то властно-богатому.

И началось!

Обычное, можно сказать бытовое, рейдерское завоевание. Механизм всем известен. Кому неизвестен, тот пусть и остается в этой счастливой непросвещенности, дабы не добавлять себе переживаний о несправедливости жизни и безнадежной, глухой невозможности ей противостоять!

Но для кого и безнадежной, а коллектив их центра, все замечательные, талантливые люди и энтузиасты своего дела, решили – «шиш вам, с выкрутасами!» – не сдадимся!

В ходе многомесячной борьбы чего только не предпринимали – и в палатках у здания сидели, и митинги протеста собирали, и какие только можно чиновничьи организации и инстанции обходили, и на телевидение обращались, про них даже несколько передач прошло по разным каналам. Да только властным и богатым вся эта суета хоть с телевидением, хоть с заступничеством папы римского глубоко до лампочки – так, легкое неудобство, комариный укус. Оттяпали бы у них центр, к гадалке не ходи, и никакие марши протеста не помогли бы. Пообещали бы до слезы – «зуб на выброс», «даю руку на отсечение» и «мамой клянусь!» – взамен новое, уже построенное здание на окраине Москвы, «куда мы переведем ваш центр вот прямо завтра!» – разумеется, на камеру телевидения, с уверенным выражением сытой, хитрой рожи, а мысленно послали бы в известное всем россиянам место! И привет! Ни центра, ни занятий, ни фига!

Да закавыка у граждан, отбирающих «по доброй воле», случилась – как-то не просчитали они того, что детки в центр ходят разные, и родители у них разные, а если учесть, что большинство этих родителей с чадами своими проживают в центре города Москвы, то можно

было бы на минуточку призадуматься, прежде чем рейдерствовать внаглую! Видать, недосуг думать-то было: увидели – хочу! – и вперед – мое будет!

Среди родителей и родственников детей нашелся дядя очень способной девочки Мирославы Семеновой, нежно любивший племянницу и служащий чиновником высшего министерского звена. Дядечка сказал «стоять!» разбушевавшимся захватчикам – девочке Мирочке очень нравится заниматься в этой школе, учителя ее хвалят и подозревают в ней талант, и девочке Мирочке очень удобно посещать именно этот центр и именно по этому адресу. Значит, девочка Мирочка будет ходить именно по этому адресу, а с ней и остальные ученики до кучи.

Чиновничающий дядюшка приехал на встречу с активом противостоящих беспределу преподавателей на какой-то заковыристой черной машине с мигалкой на крыше, с водителем и охранниками и, очень серьезно неся осознание своей значимости, вышел к народу. Поговорил, собрал копии всех имеющихся документов, пообщался, демонстрируя расположение и заинтересованность, заверил, что сделает все возможное, и даже успокоил как-то.

При проведении встречи обратил особо пристальное внимание на учительницу по рисунку и прикладному художеству, поулыбался многообещающе с намеком на эротику, подержал за ручку, прощаясь, и, глядя Аглае в глаза, пообещал скорую встречу...

Все обещанное выполнил – через три дня дирекцию центра официально уведомили, что от них отстали, – можете, мол, и дальше спокойно проводить занятия, никто вас не потревожит! Мало того, неожиданно-негаданно в здании начался капитальный ремонт, благо наступили летние каникулы, а любящий дядюшка приехал якобы лично удостовериться, что порядок наведен, страсти улеглись, осуществив тем самым и свое второе обещание и закрепив исполненное приглашением отобедать в ресторане.

Обедать с ним Аглае совсем не хотелось, но и отказывать «благодетелю» было как-то некрасиво в свете так быстро и положительно разрешившегося многомесячного конфликта, да и коллеги незаметно подталкивали в спину, перекрыв возможность отказа.

Пошла, в общем! И попала-а-а!

За обедом из практически единоличного монолога чиновника с редкими вкраплениями Глашкиного «да», «нет», «бе-ме» выяснилось, что господина сего зовут Андрей Максимович и носит он фамилию Горбонос уж сорок третий годок от роду.

Далее анкетно: коренной москвич (в каком поколении, Глашка не запомнила, занятая непосредственно едой), разведен уже шестой год, имеет дочь двадцати лет, окончил МГУ (факультет Глашка тоже пропустила мимо сознания), за годы после учебы сделал крутую карьеру, став одним из помощников и заместителей министра. Далее что-то про материальную обеспеченность и горячее желание создать новую семью, в этот текст Аглая совсем уж не вслушивалась и подавилась куском огурца из салата на следующем заявлении:

– Я долго искал женщину, с которой хотел бы соединить свою жизнь, а встретив вас, Аглая, сразу понял, что вы именно та, на которой я хочу жениться.

Глашка закашлялась, подавившись. Он подождал, пока она прокашляется, запьет водой и огурец, попавший не в то горло, и вопрос, тоже, видимо, не в то горло, и спросил:

– У вас есть молодой человек? Вы в кого-нибудь влюблены?

– Нет, – призналась Глашка и даже головой покачала.

– Вот и отлично! – улыбнулся удовлетворенно чиновник, продемонстрировав идеально отбеленные зубы.

– Да что отлично-то?! – недоумевала Аглая.

– То, что вы свободны от иных обязательств, значит, мне не надо избавляться от конкурента, – пояснил помощник министра.

Аглае почудился некий криминальный подтекст в этом «избавляться», но опасений своих выказать она не успела, впрочем, как и слово иное вставить, вещал исключительно господин Горбонос:

– Я навел справки о вас и знаю, что вы не замужем, живете с дедом, личностью известной в определенных кругах и даже выдающейся, хотя ваши родители живы и здоровы, как я понял, они любители путешествовать и довольно востребованные художники. Где они сейчас?

– В Африке. В Кении, – приняв данное ненадолго ей слово, ответила Аглая. – У них кенийский период.

– Ну вот! – порадовался чему-то понятному только ему Андрей Максимович. – В социальных отношениях, согласитесь, Аглая, вы очень подходящая кандидатура для человека, делающего карьеру на таком уровне, как я. К тому же вы занимаетесь благородным делом: учите детей искусству, приобщаете к мировым культурным ценностям. Моя племянница просто влюблена в вас, и я ее хорошо понимаю. А в личностных отношениях, должен признаться, я совершенно очарован вами и покорен! Вы однозначно мне подходите!

Дальнейший их разговор напоминал общение глухого со слепым – Аглая старательно пыталась объяснить «товарищу» министра, что замуж она не собирается, и это абсурд какой-то, и вообще они не знают друг друга, бляяла что-то там про взаимную любовь и совпадение интересов. Постепенно перейдя к формулировкам в раздражительном тоне: «это бред какой-то» и «Але! Господин Горбонос, вы меня вообще слышите?» – не возымевшим ровно никакого результата: чиновник просто говорил то, что считал нужным, отмечая любые возражения.

Следующие три дня напоминали осаду турками крепости Баязет и носили характер навязчивого ухаживания с элементами уговоров. Квартира превратилась в филиал цветочного бутика, сотовый раскалился от бесконечных звонков влюбленного помощника министра, попытки избежать общения и встреч проваливались, создавая все более устойчивое ощущение, что за ней просто-таки следят. Дед посмеивался, комментируя настойчивость внучкиного кавалера:

– Никак с ума сбрендил от красоты твоей, Аглаюшка, наш будущий министр. Завлекла-а-а, одурманила!

– Дед, хоть ты не издевайся! – умоляла растерявшаяся от стремительности ухаживательного напора Глаша.

– Так если он тебе не пришелся, так ему и скажи! – наставлял дед.

– Ты думаешь, я не пыталась? – жаловалась внучка. – Я ему по сто раз в день говорю, что не могу выйти за него замуж и не хочу! Он меня не слышит!

Нет, может, он и слышал, есть такое подозрение, но только все приводимые Аглаей аргументы против навязываемого замужества и совместной жизни уполномочивший себя в женихи отметал своими контраргументами, а чаще пропускал мимо. Через неделю Аглая Стрельникова точно знала, почему господин Горбонос сделал столь блестящую карьеру и что уж этот человек верняк в ближайшее время станет министром ее страны!

Докричаться-достучаться до него было невозможно – он выбрал Аглаю объектом своих матримониальных притязаний, поставил себе цель и отметал любые возражения, сомнения и отказы со стороны потенциальной невесты, утверждая, что она обязательно его полюбит!

А какие сомнения? Такого «гарного хлопца» и не полюбить?!

Через две недели Аглая и не поняла как, но оказалась вполне реальной невестой! То есть в загсе лежало их заявление, день свадьбы был назначен, а подготовка к событию шла полным ходом, запущенная уверенной рукой Горбоноса, в специально выбранном престижном свадебном агентстве. И все это на фоне бесконечных совместных походов в театры, на какие-то значимые приемы с известными людьми, выездов в гости за город к не менее важным людям, посещений мероприятий культурного порядка типа открытия выставок и остальной бесконечной светской суеты. Аглая попала в водоворот, затягивающий ее с пугающей быстротой и силой в неизвестность, и тщетно пыталась выбраться.

Ее отказы Андрей Максимович привычно игнорировал, что-то там объяснял и просто присылал за ней машину с водителем для очередного выхода в свет, подкупая обещанием, что там будут совершенно потрясающие люди, с которыми Аглае непременно надо пообщаться.

– Ты знаешь, что придет Туманов? – спрашивал чиновник. – Мы с ним хорошо знакомы, ты хотела бы с ним поговорить?

Ну, еще бы она не хотела! Туманов – известнейший в мире художник, пишущий потрясающие картины, уже много лет проживал в Испании – конечно, она хотела бы с ним поговорить, да просто рядом постоять, это же из разряда чудес невозможных!

Глаша и ехала! И так Горбонос умудрялся уговаривать ее постоянно, заманивая возможностью общения с интересными людьми, выставками, на которые не попасть, концертами, премьерными.

Но когда выяснилось, что надо идти на первую примерку свадебного платья, Глашка как опомнилась и вместо примерки настояла на встрече с потенциальным женихом и постаралась поговорить с ним еще раз. Вот на этой-то встрече она окончательно поняла, что Андрей Максимович Горбонос относится к типу мужчин, которым, как говорится, «проще дать, чем объяснить, почему ты не хочешь!». Он умел использовать весь арсенал – напор, уговоры, канючение, глухоту к словам собеседника, уверения в светлом прекрасном будущем, снова уговоры и полную невозможность вставить хоть одно законченное предложение в его словесный поток.

С запудренными мозгами, под гипнотическим впечатлением от действительно интересных знакомств, недоступных простым смертным выставок, театральных премьер, Аглая просуществовала еще неделю и опомнилась, оказавшись-таки на последней примерке этого чертового свадебного платья.

В тот момент, когда на ней затянули корсет совершенно потрясающего кружевного шедевра портняжного и модельерного искусства, она, посмотрев на себя в зеркало, поняла, что задыхается. Совершенно конкретно, физически задыхается до приступа, до обморока!

Ее срочно выколупали из платья и из корсета, что-то там над ней перепуганно щебеча и обещая чуть подправить, где надо ослабить и все успеть до завтра... Она не слушала, она уперлась разумом в это «завтра» и наконец, первый раз за месяц, почувствовала себя в твердом уме и осознании. Словно от наркотического дурмана освободилась!

Позвонила и снова настояла на срочной встрече с «нежным женихом». В кафе, где они встретились, сев за стол, Андрей Максимович традиционно приступил к монологу, пропустив настойчивые попытки Аглаи высказаться.

– Андрей Максимович! – попыталась перебить его и вклиниться с заявлением Глаша.

Перейти с ним на фамильярное «ты» она так и не смогла, да и не хотела, как он ни настаивал, придавая просьбе некий нежно-интимный тон. Нет уж, спасибо! – твердо стояла на своем Глаша, соблюдая определенную дистанцию.

Призыв не был услышан. Бесполезняк! Глухой причем!

Поняв, что без радикальных мер не обойтись, Аглая «случайно» задела локтем хлебную тарелочку и с удовольствием отметила два факта: первый – тарелка, упав на стильный, «а-ля итальянское патио», плиточный пол, со звоном разбилась на мелкие осколки, и второе – Горбонос временно замолчал.

– Андрей Максимович, я не могу выйти за вас замуж! – громко и уверенно сообщила Глаша, воспользовавшись моментом.

Пару секунд он присмотрелся к выражению ее лица и отмахнулся от заявления, придав жестом руки данному утверждению статус незначительности:

– Это просто предсвадебная нервозность, Аглая. Поверь мне, накануне свадьбы все проходит через необоснованные страхи!

Придав лику своему нечто вроде скорби, Глаша повторила свой отказ с нажимом на каждом слове:

– Это не нервы, я не выйду за вас замуж, Андрей Максимович.

Случилось чудо! Он ее услышал! И даже поверил серьезности ее намерений. И весь словно преобразился – изменилось выражение его лица, глаз, и поза тела, секунду назад расслабленная, вдруг оказалась напряженно-угрожающей, и тоном, которого Глаша никогда не слышала от него ранее, – холодно-предупреждающим, высокомерным – вынес постановление:

– Ты не можешь отказаться. Назад дороги нет, Аглая! Приглашены очень значимые люди, согласия некоторых из них прийти на свадьбу мне пришлось долго и упорно добиваться! Все уже устроено, оплачено и оговорено! Я не принимаю никакого отказа! Завтра мы поженимся!

Аглая нутром чувствовала, что этот человек опасен, сейчас он стал даже неприятно отталкивающим внешне, глядя на нее как на взбунтовавшуюся собственность.

– Андрей Максимович, – очень осторожно, но твердо повторила она, – я не хочу за вас замуж и не выйду. Вы ведь необыкновенно умный, вы придумаете, что объяснить гостям. Ну, скажите, что я попала в больницу с аппендицитом или с травмой какой и свадьба откладывается до моего выздоровления.

– Нет! – жестко отказался он. – Свадьба состоится! Я не позволю тебе так меня унижить. Те, кто пробовал это делать, очень сильно пожалели в свое время!

– Если бы я хотела вас унижить, Андрей Максимович, то сообщила бы об отказе по телефону или эсэмэской или сказала «нет» во время самой росписи. Но я слишком уважаю вас, чтобы так поступить. Вы очень умный и неординарный человек, – повторилась с нажимом в своей оценке она. – Вы провели такую ошеломляющую атаку, что я и опомниться не успела, я даже в загсе не присутствовала и заявление не писала, это сделал кто-то за меня. Вы старательно игнорировали мои попытки докричаться до вас и объяснить, что я не хочу выходить замуж. Не за вас конкретно, Андрей Максимович, а вообще на данном этапе. Но вы правы, все зашло слишком далеко и пора это остановить.

– И ты не боишься последствий своего отказа? – тихо и оттого страшно спросил он.

Бойтся! Еще бы! Если тыкаешь пальцем медведю в глаз, то вряд ли он скажет тебе спасибо и деликатно ретируется, шаркнув лапой. Подмывало прямолинейно послать господина Горбоноса вместе с его завышенной самооценкой и болезненной гордыней в известные всем дали, а пришлось деликатничать:

– Очень хочется верить, что вы выше мелочной мести, мне больше нравится глубоко уважать вас, чем бояться. Я уверена, скоро вы станете министром этой страны, и знаю абсолютно точно, что вам нужна другая жена, гораздо более светская, чем я. Та, которой нравится и привычен такой стиль жизни, приемы, тусовки по интересам, красавица, соратница, которая будет поддерживать и подталкивать мужа. И лучше с достойными родственными связями. Я слишком ничтожна для человека такого ранга. Согласитесь, простая учительница рисования совсем не та женщина, которая должна находиться рядом с вами. Мне непросто говорить об этом, но я понимаю, что не подхожу вам никак. Этот месяц был совершенно потрясающий, и я бесконечно благодарна вам за красивое ухаживание, за мир известных людей и интересных событий, который вы мне показали, за то, что я чувствовала себя именно той нужной вам и необыкновенной женщиной. Но, увы, это была хоть и красивая, но сказка. И мы оба понимаем, что я недотягиваю до вашего уровня. И спасибо вам, Андрей Максимович, что, не желая меня обидеть, вы не сказали этого сами. Простите! – торопливо поднялась с места Глаша, стараясь не смотреть жениху в глаза и что-то там изобразив ладонью вроде смахивания горючей слезы благородной простушки, отказывающейся от своего счастья. – Мне надо побыть одной. Спасибо вам огромное за все! Прощайте!

И стремительно направилась к выходу. Спасаться! Улепетывать! Пока сей хрен крутой с горы не решил ее останавливать или не сказал своим охранникам «фас»!

Суть столь прочувствованного монолога сводилась к элементарному чувству самосохранения, ибо по выражению глаз Горбоноса становилось ясно как божий день, что будущий

министр, не парясь выкрутасами морали или высокой культуры и духовности, с большим душевным удовольствием опустится и до мелкой, и до крупной, и до изощренной мести, а с еще большим удовольствием размажет Глашу и родным-близким навалает, чтоб неповадно было супротив его воли и желания вякать!

Аглая очень надеялась, что выдержала все тона-полутона и соответствующее выражение лица и относительно гениально сыграла в полном смысле слова жизненно необходимую роль «я вас не достойна в вашем величии, понимаю, трепещу и не смею претендовать отираться рядом с вашим великим телом!».

Кстати, слава богу, до тела министерского дело не дошло, отложенное до первой брачной ночи. Андрей Максимович намекал и прямо высказывался за сближение интимное, но она скромницей «не поняла» и на его зов не откликнулась.

Проверять, поверил ли господин Горбонос в искренность ее прочувствованной речи с упором на самоуничужение на фоне памятника ему недостижимому, методом повторного диалога или ожидания последствий Аглая не собиралась, а побежала. Отсюда и до...

Ввалившись на полном «скаку» в дом, с порога засобиралась, что-то пытаюсь на ходу объяснить Григорию Павловичу:

– Дед, ты можешь пожить у Евгения Петровича?

– Мы эвакуируемся? – невозмутимо уточнил дед, выходя в прихожую.

– Что-то вроде того, – рассеянно кивнула Аглая, доставая из кладовки свой походный чемодан. – Я официально отказала Андрею Максимовичу, прости его, Господи, Горбоносу в своей руке и записи акта гражданской регистрации.

– В который раз? – пытался шутить, но, почувствовав напряжение внучки, сразу насто-рожился дед.

– В миллион восьмой, но на этот раз он меня услышал и даже поверил!

– Могут быть последствия? – подобрался Григорий Павлович.

– А вот не знаю, – остановилась на бегу Аглая, пытаясь оценить ситуацию. – По крайней мере пуганул он меня про последствия всерьез. Я, правда, целый спектакль разыграла о его незыблемом величии, которое с постамента даже ломом не сковырнешь, и моем полном несоответствии оному, но актриса из меня, сам понимаешь, никакая, первая в жизни проба, поверил ли, нет – не знаю. Лучше рисковать не станем. Так ты поживешь у Евгения Петровича?

– Запросто и с удовольствием, он меня каждый день зазывает до конца лета перебраться, ты ж знаешь. Я б давно, если бы не дела твои.

– Тогда собирайся, чего тормозишь! – распорядилась Аглая.

Так, за деда можно не волноваться. Евгений Петрович, с детства самый близкий друг Григория Павловича, – генерал милиции в отставке, между прочим, до сих пор сохранивший большие связи и авторитет, и главное – отец действующего ныне замминистра, к нему никакой Горбонос не сунется, обделается, мал ранжиром, может и того лишиться при попытке наезда на этих двух старичков. Да и дед сам по себе не шишок бе-зобидный.

Родители Аглаи в Кении, подруг и иных родственников у нее не имелось. А вот свою головушку следовало поберечь. Она как-то сильно сомневалась, что прочувствованная речь убедила Андрея Максимовича в искренности приведенных ею причин отказа. А что он примет ответно, проверять не хотелось.

Глаша быстро написала Коле письмо и отправила его по электронной почте, в данный момент друга детства в онлайн не наблюдалось, но ничего, прочтет! Покидав какие-то вещи, сунув ноутбук в чемодан, проверила паспорт, кредитки, наличные, сотовый, обе зарядки.

– Дед! Ты собрался? – прокричала Аглая в пространство квартиры.

– Я позвонил и собрался, за мной Федя уже машину послал, будет через полчаса, – спокойно ответил Григорий Павлович, заходя в комнату. – Ты куда улепетьвать решила?

– А куда я могу? – удивилась вопросу Аглая. – К Алтаю, разумеется!

– Это правильно, – одобрил дед. – Привет Коленке сердечный от меня передашь.

– Даже поцелую! – пообещала Аглая и вдруг, резко остановившись, спросила с сомнением: – Дед, а я не перегибаю? Я правильно делаю, что сбегую?

– Правильно, – убежденно заявил Григорий Павлович. – Он не очень хороший человек и с завышенными амбициями, таких только задень, говна не оберешься! Я знал, что ты за него не выйдешь, потому и не тревожился сильно, оказалось, зря не тревожился.

– Да ладно тебе, не переживай! – подошла, обняла и прижалась к нему Глаша. – Это я ситуацию выпустила из-под контроля, что ж теперь обвинять себя. Мы ведь прорвемся?

– А то! – пообещал дед, поцеловал ее в макушку, погладил по голове успокаивающе. – За меня не вздумай беспокоиться. Давай езжай, я все закрою, проверю, воду и газ перекрою, соседку предупрежу, что мы уехали и чтоб за квартирой приглядывала. Не волнуйся, Федин водитель мне поможет.

Федей или Федюшей без отчества, по-простому звался Григорием Павловичем сын Евгения Петровича, он же заместитель министра, относящийся к деду с большим пиететом и глубокой уважухой, вполне обоснованной и имевшей свою отдельную историю.

– Дед! – прижалась посильнее к надежной теплой груди Аглая. – Я тебя люблю и даже где-то обожаю!

– Я тебя тоже, – еще раз поцеловал в макушку внучку Григорий Павлович. – Иди уже, с богом. И позвони сразу, как доберешься.

– О господи! – подскочила со стула Аглая. – Я ж деду не позвонила!

– Что ты скачешь, тишину и спокойствие пугаешь! – пробурчал недовольно Коля. – Я позвонил, успокоил Григория Павловича, садись уже, не маячь столбом виноватым. – И, дождавшись, когда она, вздохнув облегченно, села назад за стол, спросил: – Ну, что, Маруся Попадайкина, нам следует ожидать возможного визита министерского чиновника?

Иногда, когда Аглая попадала во всякого рода истории, Коля звал ее Маруся Попадайкина. А еще – Глашуня, ну, это так, нежненько, и по фамилии – Стрельникова, если выговаривал за что-то, но чаще Стрелка, а это уже отдельная история из их детства с серьезным обоснованием Колей такого имечка.

– Да ладно! – отмахнулась Глашка. – Во-первых, он о тебе не знает, а во-вторых, надеюсь, я была убедительна в роли прогибающейся перед его величием, которого я, простая, до аналогии с табуреткой, Маруся Попадайкина, не достойна.

– Не скажи-и-и, – задумчиво протянул Коля. – Такие перцы носят со своей значимостью, как с третьим яйцом. И коль он самодур величавый, то «сделать к ногтю» посмеявшегося ему в чем-то противоречить или не дай бог отказать – это его священный крестовый поход и повод для очередного самоутверждения.

– Ну, меня-то он не найдет, к деду вряд ли сунется, поостережется. Придется ему удовлетвориться моей пламенной речью, – отмахнулась Аглая.

– Предположим, найти тебя особого труда не составит, – возразил Алтай задумчиво. – Стоит справочки навести про друзей твоих, приятелей и выяснить, что в наличии имеется таковой только один экземпляр, то бишь я, а уж место моего проживания выяснить быстрее, чем чихнуть. Впрочем, глубоко наплевать, здесь ты в полной безопасности, – махнул он рукой на ерунду такую.

– Коль, – вдруг вспомнила Глаша, – мне ведь нужно какое-то разрешение-приглашение на проживание в поселке?

– Я уже сделал, – успокоил Алтай, – утром в управление ходил, пока ты спала.

– Обстоятельный ты мужик, Коля, – похвалила с чувством Аглая. – Деду позвонил, разрешение сделал, меня пожурил слеганца. За что люблю тебя и уважаю!

– Ото ж! – довольно подытожил Алтай, посмотрел на нее внимательно и озвучил: – Да, Глашуня, как ты была инопланетянкой, так и осталась.

– Обоснуй заявление, – предложила Глаша.

– Легко! – приступил к обоснованию Коля. – Большинство современных девуль посчитали бы верхом везения, чудом и фартом небывалым оторвать мужика такого уровня в мужья! Что там в мужья, хотя бы в любовники! А то! Богатый, при власти и с большой карьерной перспективой, к тому же молодой и неженатый! Дома, квартиры, машины, деньги! И в Москве! А тебе по фиг на все это добро с министерским будущим! И это не поза альтруистки красующейся, это твоя суть. Ты всегда такая была, не от мира сего. Странная и непонятная.

– Загадошная, – театрально закатив глазки, через «ш» уточнила свой имидж Глашка.

– Именно, – кивнул он, не дав спровоцировать себя на шуточный тон, и вдруг предложил: – давай вина выпьем, и я попробую объяснить то, что понял о тебе.

И, не дожидаясь ее согласия на распитие, встал, собрал пустую грязную после обеда посуду и пошел в дом. Глашка осталась сидеть за столом и задумчиво рассматривать красивый пейзаж, открывающийся взору с веранды.

Что он там понял о ней такого, что прямо вином запивать надо? Мыслитель! Диоген!

Подозреваемый в тяготении к философствованию вернулся на веранду, зажав под мышкой открытую бутылку сухого белого вина, в руках два бокала и тарелка с закуской в виде сыра и клубники с крыжовником, наваленных горочкой. Явно дары местного огорода.

Расставив на столе принесенное, Коля сел на свой стул, неспешно налил вина в два бокала, протянул один из них Аглае и провозгласил незамысловатый тост:

– За тебя, Аглая Стрельникова!

Чокнулись, отпили по глотку, и Николай, засмотревшись куда-то вдаль, принялся излагать свои размышления:

– Знаешь, Стрелка, здесь, в единении с природой, такое разуму открывается, что и поражаешься, и восхищаешься, и даже побаиваешься немного. Здешние места располагают к созерцанию, к возможности разобраться в самом себе и увидеть то, что прятал глубоко в подсознании, боясь потревожить. Я только здесь осознал до конца, почему в детстве выбрал тебя близким другом и старался защитить от всех, – мне хотелось вызнать твой секрет, как у тебя получается так жить, понять и научиться жить так же и ни с кем ни тобой, ни этим знанием не делиться. Совершенно странным образом в тебе словно существуют и гармонично уживаются несколько личностей. С одной стороны, ты вполне рациональный человек, к любой проблеме подходишь логически, просчитываешь варианты и возможные последствия, у тебя все аккуратно и в голове, и в быту. С другой – ты иногда такое вытворяешь, поддаваясь импульсу, минутному решению, интуиции, которой доверяешь и слушаешься безоговорочно. Но самая поразительная твоя третья сущность – что-то такое недоступное обычным людям, словно ты знаешь, слышишь некие вселенские законы, божьи, что ли, которые людям еще познавать и познавать, а ты по ним уже живешь легко и просто, словно дышишь.

– Да что ты придумываешь, Алтай! – возроптала Аглая. – Никаких во мне таких трех личностей и загадочных способностей нет, я самая обыкновенная!

– Ну да! – хмыкнул многозначительно Коля. – Вот скажи мне, Стрельникова, о чем ты мечтала в девять лет? Какое у тебя было сокровенное желание? Ты помнишь?

– Ну, помню, – призадумалась Аглая ненадолго. – Мне хотелось рисовать!

Она искренне порадовалась, что вспомнила о своих детских мечтах, таких простых и незамысловатых, в которых и намек нет на какую-то там исключительность, на которой настаивал друг детства.

– Угу, – саркастически подтвердил друг детства. – Вот именно! Рисовать. На минуточку, если учесть, что мы с тобой жили и учились в спортивной школе-интернате олимпийского резерва страны, из которого выходили только мастера спорта и чемпионы, вплоть до олимпийских. И основным занятием у нас были многочасовые тренировки – с утра и до отбоя, с перерывом на школьные уроки и еду. Хочешь, я скажу тебе, о чем я мечтал тогда?

– Стать тем самым чемпионом? – предположила Глашка неуверенно.

– Нет, – жестко ответил он. – Я мечтал о том же, о чем мечтали абсолютно все дети этого интерната: жить с родителями! Я так хотел жить дома с папой, мамой и бабушкой, как раньше! И просыпаться утром в своей кровати, в своей комнате, где только мои игрушки, и мой старый письменный стол, и мои любимые книжки. И чтобы бабушка кормила меня на завтрак любимыми оладьями, и гладила по голове, и целовала в затылок, и папа с мамой, возвращаясь по вечерам с работы, слушали за ужином мои рассказы о тренировках и как меня сегодня похвалил тренер. Я готов был тренироваться в десять, в сто раз больше, только бы они вернули меня домой! В девять лет ребенок должен жить с родителями, любимый и оберегаемый ими, а не в казарме интернаатовской! Какие бы необычайные способности у него ни обнаружились! Мы все страшно, отчаянно мечтали вернуться домой! В интернате же не было ни одного сироты – там учились дети из вполне благополучных семей. И мы уговаривали, умоляли родителей забрать нас оттуда! И обижались на них, и чувствовали себя преданными и брошенными. Все, кроме тебя. Ты единственная не испытывала никакого чувства обиды на взрослых, ты принимала их и сложившиеся обстоятельства твоей жизни такими, какие они есть. И ты хотела рисовать.

Как Аглая попала в интернат, надо бы рассказать отдельно.

Вообще-то у нее странноватая семья. Нет, дедушки-бабушки у Глаши были вполне социально нормальными. Ну, кроме деда Григория, наверное, – его уж точно обычным не назовешь.

А вот родители никак не соответствовали общественно-политическим требованиям страны того исторического периода времени.

Василий Богуш и Вера Стрельникова были художниками, причем в гордом статусе – свободные. Они окончили Суриковский институт, где учились в одной группе, там познакомились и полюбили, совпав полностью и без зазоров в мировоззрении и интересах. И если интересы еще вполне понятны и конкретны – рисовать как можно больше и талантливее, то вот мировоззрение, скажем так, немного подкачало, никаким боком не совпадая с идеологией родины, – нечто из подзабытого к концу семидесятых движения хиппи: Вудсток и свободная любовь ко всему человечеству.

С курса третьего института и по сей день они жили вместе и никогда не состояли в официальном браке, считая акт регистрации пережитком прошлого и ограничением так любимой ими свободы человека. Ну, как бы с этим, и бог бы с ними.

После института числились художниками-оформителями на каких-то предприятиях, где появлялись с регулярностью раза два в месяц, а то и реже. Сострипать по-быстрому стенгазетку или плакатик, ибо в те времена за совсем уж свободное времяпровождение грозила вполне реальная статья Уголовного кодекса о тунеядстве и столь же реальная перспектива загреметь в околотов с дальнейшим переправлением в тюрьму.

Основным же их занятием, как вы понимаете, оставалось писание полотен, а по-простому – рисование картин. С тремя друзьями-художниками в обычном доме недалеко от Садового кольца, в квартире, доставшейся кому-то из тех приятелей по наследству и переделанной под художественную мастерскую, они проводили большую часть своего времени. Весело, наверное, было их соседям, живущим рядом со свободными от всего молодыми художниками, по ночам принимавшими не менее свободных друзей – и рок-музыкантов известных и запрещенных до невозможности, и художников, артистов, а также критиков, писателей, поэтов, молодых режиссеров. Шумно, интересно, захватывающе!

Активное противостояние культурной молодежи царящей в стране эпохе застоя.

И в разгар этой распрекрасной, свободной жизни выяснилось, что двадцатипятилетние Васечка с Верочкой ждут ребенка. Событие, сильно порадовавшее их родителей, надеявшихся, что хоть этот факт заставит детей пожениться.

Не-а! А принципы?!

Аглая была желанным ребенком не только для старшего поколения – родители ее ждали и любили заранее, за что и осчастливили девочку древнерусским именем Аглая.

Дело в том, что Глашка умудрилась родиться, когда они пребывали в так называемом русском периоде творчества. Вообще-то, можно считать, что повезло ей необычайно, ибо за год до ее рождения папа с мамой страдали «чукотским периодом», ездили на Ямал и в Якутск и несколько месяцев жили там, изучая обычаи чукчей, их быт, уклад, разумеется, перенося свои впечатления на картины. А через год после ее появления на свет родители впали в «испанский период» и болели им несколько лет, правда, без выезда в страну Испанию, невозможного в то время. И родись Глаша позже, она запросто могла стать какой-нибудь Агуэдой или Алондрой, с них случилось бы!

Так что повезло ей страшно! Отделалась на всю жизнь замечаниями о необычности своего имени и вопросами о его древнерусском значении. Хорошее значение у ее имени, чтоб вы знали! Чуть ли не провидица, етить ее и всех спрашивающих!

Ну, вы прекрасно понимаете, что такое в восьмидесятые годы молодые художники, имевшие только талант и принципы. И то и другое приходилось оплачивать их родителям, так же как и растить и воспитывать их дочь. Ну а кто, как не они?

Нет, Вася с Верой ни в коем случае не были убежденными захребетниками! Ни боже упаси! Они на самом деле талантливые, даже очень, и объездили всю страну вдоль и поперек, изучая самые отдаленные уголки, много рисуя, общаясь с разными людьми, влюбляясь в свою страну и в уникальных самобытных людей, запечатлевая этих людей в портретах.

Василий Федорович потом несколько книг напишет по своим дневникам того периода, с рассказами охотников, нефтяников и колхозников, иллюстрируя их своими зарисовками и портретами. Кстати, книжка получится востребованной, невероятно красочной и интересной. И отец с мамой несколько альбомов печатных выпустят со своими рисунками страны. Но все это будет потом, в другом времени, в другой жизни, а тогда...

Это очень здорово, просто классно, что родители Веры и Васи понимали и поддерживали своих детей в меру сил, и верили в их талант, и взяли на себя воспитание ребенка. А казалось бы – простые люди, что они могли понимать в художественном искусстве и верить, что дети пробьются. Папины родители, бабушка Аглаи Ирина Юрьевна Богуш, всю жизнь проработала директором детского садика, а дедушка Федор Васильевич – строителем. У них имелась дачка в шесть соток с малепушеньким аккуратненьким домиком, на которой Глашка провела все свое летнее вольное детство, принимая в огородничестве единственное участие – снятие и потребление урожая. Бабушка с маминой стороны, Стрельникова Нина Владимировна, тоже всю жизнь проработала архивариусом в Ленинской библиотеке, попросту библиотекарем, а вот дедушка... это отдельная история.

В соответствии с советскими законами Глашка получила фамилию мамы. Дед Григорий Павлович всегда посмеивался – продолжательница рода. Она этого не очень в младенчестве понимала, но не спорила.

С родителями маленькая Глашка виделась редко, когда они приезжали из очередной поездки, да и тогда большую часть времени проводя вне дома, с друзьями. Но, странное дело, ее нисколько это не обижало и не расстраивало, всем своим детским сердцем она чувствовала и знала, что ее любят все – и родители, и бабушки с дедушками, а что еще надо? Она никогда не ждала от родителей больше, чем они могли дать. Почему так получалось, никто не знает, но вот не имела девочка Глаша к родителям ожиданий и претензий, воспринимая их такими, какие есть, со всеми их заморочками.

Ну, например, лет с трех Глашка начала рисовать. Она «творила» на всем, что попадалось под руку, и могла делать это часами, не отвлекаясь ни на что. Бабушкам с дедушками пришлось в обеих квартирах – Богушей и Стрельниковых, где Аглая жила поочередно, в соответствии с их графиками работы и жизни, – разложить листы бумаги, карандаши, фломастеры,

краски везде, в каждой комнате, в кухнях и даже в ваннах, бывали и там инциденты. Родители же, просмотрев рисунки малолетней дочери, вынесли вердикт – дарование есть, а талант под вопросом.

Дружным коллективом бабушки-дедушки Богуш, бабушки-дедушки Стрельниковых и уж тем более четырехлетней к тому времени Глашки вердикт был проигнорирован, и ребенок продолжил свои занятия. Родители и сейчас считают, что у дочери талант так себе, немного выше среднего, невзирая на уже две состоявшиеся, пусть и очень маленькие, выставки ее офортов и карандашных рисунков.

Ну и что? Аглая не парилась, конечно, у них свой взгляд на творчество и искусство и на ее работы, да и амбиций стать известным художником у нее не имелось, что, кстати, косвенно подтверждало диагноз: «талант под вопросом». Таланту, как известно, всегда требуется кудысь пробиться, что-то вроде живчика-буравчика.

Ага, самое время про талант.

Однажды произошел небывалый случай, что-то вроде руки провидения: папа Вася Богуш пришел забирать свою дочь-второклассницу из школы. Последним уроком у нее была физкультура, где папа и столкнулся с физруком, который в восторженных тонах принялся убеждать его в несомненных дарованиях дочери:

– Вы должны понять, что у Аглаи дар, талант! Она настолько одарена, она самородок в легкой атлетике! Вы обязаны срочно отдать ее в какую-нибудь секцию к грамотному тренеру, а лучше в спортивную школу!

Папа Вася настолько вдохновился пламенной речью, что тут же пересказал ее всем родным, закрепив твердым решением немедленно пристроить ребенка в спорт.

Родители пошли дальше предложений физрука и на следующий учебный год, после многочисленных тестов и проверок у известных тренеров, Глашку зачислили в школу-интернат олимпийского резерва страны. Дедушка Григорий в это время находился в длительной командировке и помешать беспределу родительскому не смог. Он единственный, кто понимал, что ожидает внучку, и единственный, кто был категорически против. Но к его приезду поздняк было метаться, ребенок уже попал! А родители пребывали в твердой убежденности, что поступили правильно, обеспечивая единственному чаду прекрасное будущее.

Так в возрасте девяти лет Глашка оказалась в интернате.

Кто-нибудь знает, что такое спортивная школа-интернат? Ну, кроме тех, кто это проходил?

Там учатся дети, у которых обнаружилось выдающиеся способности в том или ином виде спорта, которых отдали туда родители по разным личным причинам. Как правило, причин бывает три.

Первый тип родителей – это те, кто убежден в таланте своего ребенка и искренне и изо всех сил старается помочь ему реализоваться. Эти родители детей навешают чуть ли не каждый день и забирают на выходные домой при любой возможности. Вторые – это те, кто мечтает за счет своего ребенка реализовать свои собственные амбиции и хоть таким образом стать известным, богатым и знаменитым. Их много, уж поверьте, таких гораздо больше, чем первой категории – те вообще в меньшинстве. И третьи, которые просто тупо желают отделаться от детей. Пусть хоть таким образом: и социум не осудит, и перед соседями и друзьями можно порисоваться – мол, мой ребенок в школе олимпийского резерва учится, и перед самим собой не так стыдно! Круто ведь, ребенок – будущий чемпион!

Кстати, насчет выходных, которые по правилам считались обязательными днями отдыха. Ага! А как же страна без будущих олимпийцев, отдыхающих по выходным? Что-то из серии: а если завтра война, а мы не подготовившись?

За любой проступок, за любой сбой в результатах, за любое выкладывание не в полную силу на тренировках ребенка оставляли в интернате и гоняли все выходные на внеплановых

тренировках. В общем, мало кто посещал дом родной, только те, кто приспособивались или умели подлизаться к тренерам. Таких тоже хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.